

Столыпинский
вестник

Научная статья

Original article

УДК 821.111

DOI 10.55186/27131424_2023_5_8_1

ОБРАЗ ПРОМЕТЕЯ В РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

THE IMAGE OF PROMETHEUS IN THE ROMANTIC LITERARY TRADITION

Вошевоз Дарья Романовна, студентка 2 курса факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Voshchevoz Daria Romanovna, 2nd year student of the Faculty of Philology, Translation Studies and Intercultural Communication, Pacific National University, Khabarovsk

Аннотация

В статье рассматривается образ Прометея и его интерпретации в романтической литературной традиции. Образ титана-бунтаря Прометея, получивший неоднозначное толкование в античной драматургии, становится одной из центральных тем в творчестве английских романтиков. В статье предпринимается попытка сравнительного анализа трактовок образа Прометея в творчестве Дж.Г. Байрона, П.Б. Шелли и М.Шелли.

Summary

The article examines the image of Prometheus and his interpretations in the romantic literary tradition. The image of the rebel titan Prometheus, which received an ambiguous interpretation in ancient drama, becomes one of the central themes in the works of English romantics. The article attempts a comparative analysis of the interpretations of the image of Prometheus in the works of J.G. Byron, P.B. Shelley and M. Shelley.

Ключевые слова: *Прометей, прометеизм, титанизм, романтизм, Эсхил, П.Б. Шелли, Дж.Г. Байрон, М. Шелли, романтическая интерпретация мифа.*

Key words: *Prometheus, Prometheism, Titanism, Romanticism, Aeschylus, P.B. Shelley, J.G. Byron, M. Shelley, romantic interpretation of myth.*

Прометей – титан-борец, персонаж античной мифологии, образ которого стал вечным и продолжил жить в мировой культуре и литературе. Впервые миф о Прометее был зафиксирован в поэме Гесиода «Теогония», и именно с его именем связано появление мировоззренческого термина «прометеизм», символизирующего торжество мысли и истины, мудрость, достоинство, жертвенность и независимость.

Согласно «Мифологическому словарю» Е.М. Мелетинского, имя Прометей означает «мыслящий прежде», «предвидящий» [6, с. 442]. Рассмотрим несколько вариаций мифа о Прометее:

1. В более поздней версии мифа, нехарактерной для античной классики, но популярной в эллинистический период, Прометей выступает в роли творца всего рода людского. По Гесиоду, Прометей вылепил людей из земли (по Проперцию – из глины, смешав воду с землей), а Афина наделила их дыханием. По другой версии – Прометей оживил людей, созданных Девкалионом и Пиррой. Павсаний в «Описании Эллады» свидетельствует, что около древнегреческого города Панопеи в древности находилась статуя Прометея со стоящими рядом двумя большими камнями, оставшимися от той глины, из которой, согласно мифу, были вылеплены люди [8, с. 329].

2. Древнейшая и наиболее известная версия мифа – это трагическая, но жизнеутверждающая легенда о боге-титане Прометее, открывшем для людей таинства знаний и ремесел, даровавшем им огонь и жестоко наказанном за это Зевсом.

В основе мифа лежит слияние идеи сильной личности и филантропической деятельности. Прометей, один из титанов, т.е. представитель «старшего поколения богов» – друг и заступник человечества.

К этой же версии мифа обращается Эсхил в своей трагедии «Прометей Прикованный», которая является единственной полностью сохранившейся частью его трилогии о Прометее. Пролог трагедии изображает, как Гефест, в сопровождении аллегорических образов Власти и Силы, заковывает Прометея в цепи. Такова была воля Зевса, решившего покарать вольнодумца за похищение божественного огня.

Письмо, счисление, мореходство, ремёсла и искусства – все это дары Прометея роду человеческому. В своей трагедии Эсхил отказывается от представлений о «золотом веке» и демонстрирует точку зрения, выдвинутую ионийской наукой: дары Прометея людям – это философская аллегория, символически описывающая путь человечества от дикости к цивилизованному обществу.

По Эсхилу Прометей – друг, заступник и благодетель людей. Каков же Зевс Эсхила?

«Зевс враг людей, он уничтожить задумал

Весь род людской и новый насадить.

Никто за бедных смертных не вступился,

А я дерзнул...» [14, с. 133] – говорит Прометей.

Согласно мифу, Зевс отвернулся от человечества и послал на землю потоп, уничтожив весь род людской, кроме одной супружеской пары – Девкалиона и Пирры, от которых впоследствии возродились народы. Эсхил в своей трагедии не уделяет внимания причинам гнева Зевса, поэтому его поведение по отношению к людям выглядит как «деспотическая выходка злого и капризного бога» [1, с. 133].

Новому властителю богов Эсхил в «Прикованном Прометее» придаёт характерные черты греческого «тирана»: он мстителен, жесток и неблагодарен. Жестокость Зевса остро подчёркивает эпизод, в котором Прометей встречает деву Ио, обращённую им в корову. Преследуемая оводом, которого наслала на неё ревнивая Гера, Ио встречает в горах Прометея, который предсказывает её дальнейшую безрадостную судьбу.

Современники Эсхила невольно проникались сочувствием и к Прометею, и к гонимой деве, испытывали неприязнь к безжалостному Зевсу, осуждали его жестокость, ничуть не страшась при этом гнева богов. Главным достоинством любого жителя Афин, к которым принадлежал и Эсхил, всегда было сознание собственной политической свободы. Именно поэтому, так или иначе, трагедия Эсхила невольно приобретала характер критики единовластия. Как бы ни была сильна вера человека античности в собственных богов, они никогда не являлись для него образцом поведения. Они точно так же, как и люди, были подвержены порокам, строили друг другу козни, и над ними, ровно так же, как и над людьми, нависала мрачная тень злого рока. А непокоренный, гордый Прометей, не готовый смириться со своей судьбой – прекрасный эталон, отзывавшийся в сердце любого афинянина.

Таким образом, в античной традиции Прометей выступает в роли классического культурного героя, которому человечество обязано многими своими достижениями. Образ Прометея как воплощение бунта, протеста против мировой несправедливости и тирании тревожил сердца не одного поколения художников. Особенно полюбился он революционным английским романтикам: Перси Биши Шелли, Мэри Шелли и Джорджу Байрону.

Джордж Ноэл Гордон Байрон – центральная фигура английского романтизма. Именно Байрону мировая литература обязана появлением принципиального нового характера – так называемого «байронического героя», сочетающего в себе добро и зло в двух ипостасях: богоборческой, мятежной и демонической. Среди ярких «байронических героев» – Каин, Люцифер и Прометей.

Романтики, современники или наследники Великой Французской революции, несмотря на значительное различие политических взглядов, разделяли идеи свободы, равенства и братства, хоть и трактовали их по-разному. В то время как одни придавали им общественно-политический смысл, поддерживая борьбу за независимость и всеобщее равенство, другие говорили о индивидуализме и свободе саморазвития от тех рамок, которые выстраивает общество – зачастую следствием такого противопоставления становился не только конфликт свободной творческой личности с государственной властью, но и настоящий метафизический бунт против высших сил и несправедливого устройства мира.

В разные периоды своей жизни творчество Байрона тяготело к разным интерпретациям идеи свободы. Стихотворение «Прометей» относится к поздней лирике Байрона – именно «прометеевская» тема борьбы за права угнетённых становится ведущей в творчестве этого периода.

Прометей Байрона – идеальный романтический герой, альтруистический и жертвенный, достигающий нравственного идеала благодаря своей силе духа. Это несправедливо страдающий несломленный «гордец», стойчески переносящий все испытания, выпавшие на его долю. «Ты принял горький дар, как честь» [2, с. 115] – пишет поэт о своём герое.

Байрон говорит о Прометее в первую очередь как о титане – обращение «Титан!..» фигурирует в начале сразу двух частей произведения. Следует отметить, что понятие «титанизм» было широко распространено в эпоху Ренессанса: оно говорило о человеческой мощи и величии, титанами называли универсальных гениев, людей, одаренных во всех видах искусств.

Своим произведением поэт возвеличивает не только героя античной мифологии и трагедии Эсхила, но и человека-титана, стремящегося осветить человечеству путь к познанию истины, зачастую гонимого и непонятого. Прометей – первый в веренице мифологических и исторических лиц, погибших за идеи, за поиск истины, за желание преумножить человеческие познания. Так, обращение «Титан!..» – это дань уважения поэта-романтика каждому гению, несправедливо пострадавшему за стремление к истине:

«Ты добр – в том твой небесный грех
Иль преступленье: ты хотел
Несчастьям положить предел,
Чтоб разум осчастливил всех!» [2, с. 115].

Прометей – это идеал, порождение диалектической модели мышления, характерной для романтиков. Он является образцом для подражания, некой нравственно-этической целью, к пониманию и постижению которой должен стремиться читатель.

«Но в том, что не смирился ты, –
Пример для всех людских сердец;
В том, чем была твоя свобода,
Сокрыт величья образец
Для человеческого рода!» [2, с. 114]

Жизнеутверждающий финал произведения заключается в торжестве силы человеческого духа над собственным «бесцельным существованием», в способности находить радость в жизненных муках и презирать своего мучителя:

«Но не изменится душа,
Бессмертной твердостью дыша,
И чувство, что умеет вдруг
В глубинах самых горьких мук
Себе награду обретать,
Торжествовать и презирать,
И Смерть в Победу обращать» [2, с. 116].

Романтический индивидуализм стихотворения Байрона резко контрастирует с идеей борьбы, которая с невероятной художественной силой прозвучала в драме Перси Биши Шелли «Освобожденный Прометей» – крупнейшем произведении поэта.

Перси Шелли с ранних лет восхищался литературой древней Эллады, ему близки пластические образы древнегреческого искусства. Любимым образом поэта стал образ человеколюбца Прометея, открыто выступившего против

тирании Зевса, стремившегося истребить человечество. Появление столь выдающегося произведения под авторством Шелли было закономерным: мятежник по натуре, поэт с невероятным ликованием встретил новость о подготовке восстания греков против турок. Написанное в 1819 году, произведение также стало воплощением впечатлений поэта от произошедшей в то время Манчестерской бойни – столкновения гражданских лиц с гусарами и конной полицией после митинга, на котором были выдвинуты требования предоставления всеобщего избирательного права.

В предисловии к «Освобождённому Прометею» поэт пишет: «Данная поэма почти целиком была написана на горных развалинах Терм Каракаллы <...>. Яркое голубое небо Рима, влияние пробуждающейся весны, такой могучей в этом божественном климате, и новая жизнь, которой она опьяняет душу, были вдохновением этой драмы. Образы, разработанные мною здесь, во многих случаях извлечены из области движений человеческого ума или из области тех внешних действий, которыми они выражаются» [12, с. 1]. Здесь же поэт пишет о своей крайней неудовлетворённости классической концовкой трагедии Эсхила, говоря, что примирение «Поборника человечества с его Утеснителем» – это слишком слабая развязка для подобного рода конфликта. «Интерес вымысла, столь мощным образом поддерживаемый страданием и непреклонностью Прометея, исчез бы, если бы мы могли себе представить, что он отказался от своего гордого языка и робко преклонился перед торжествующим и коварным противником» [12, с. 1], – пишет поэт, что уже говорит о предполагаемых значительных различиях в трактовках образа Прометея в трагедии Эсхила и драме Перси Шелли.

Произведение активно реализует характерные для той эпохи принципы натурфилософии Ф. Шеллингера, главным из которых является единство: с этой точки зрения, природа представляет собой как бы один бесконечно разветвляющийся живой организм. Как писал поэт К.Д. Бальмонт в комментарии к переводу «Освобождённого Прометея»: «Прометей в конце концов – победитель, ибо с ним, не боящимся самопожертвования, сливаются воедино Демогоргон, дух Мировой Справедливости, приводящий через устранение

космического противоречия к мировой гармонии, с ним Иона, юный дух стремленья, Пантея, дух проникновенной мудрости, Азия, дух любви и красоты; с ним принадлежащая ему планета Земля, которая со свитой всех своих созданий, окруженная духами часов, неудержимо мчится к Свету и к полной победе Света» [14, с. 69].

Шеллингианство размывает границы между органической и неорганической природой. Более того, неорганическая природа сама способна воспроизводить органическую. Так, Мать Прометея и всего человеческого рода – сама Земля, богиня Гея, разделяет страдания своих детей и также противится жестокой воле Зевса:

«Мое дыханье – воздух утонченный –
Мгновенно потемнело, запятналось
Той ненавистью жгучей, что возникла
У матери к врагу ее детей,
К врагу ее возлюбленного чада...» [12, с. 8].

Прометей Шелли – воплощение сдерживаемой физической и духовной силы, аллегорический образ революционного духа, скованного цепями единовластия, а Геракл, разбивающий эти цепи – физическая сила мятежного народа.

Прометей также стал художественным ориентиром романа «Франкенштейн, или Современный Прометей», написанного супругой поэта П.Б. Шелли, писательницей Мэри Шелли. Идея романа пришла к начинающей романистке холодным летом 1816 г., когда супруги Шелли посещали Швейцарию и оказались соседями лорда Байрона. По свидетельствам самой Мэри Шелли, описанным в предисловии к «Франкенштейну», толчок к написанию романа ей дал разговор Шелли и Байрона, касавшийся философских вопросов о секрете зарождения жизни и оживлении материи путём гальванизма. «Пока они беседовали, подошла ночь <...>. Положив голову на подушки, я не заснула, но и не просто задумалась. Воображение властно завладело мной <...>. Глаза мои были закрыты, но я каким-то внутренним взором необычайно ясно увидела образ адепта тайных наук, склонившегося над созданным им существом. Я увидела, как это существо <...>»,

повинуясь некой силе, подало признаки жизни и неуклюже задвигалось. Такое зрелище было страшно; ибо что может быть ужаснее человеческих попыток подражать несравненным творениям создателя?» – пишет Мэри Шелли в предисловии к роману [11, с. 9].

Идея произведения позволяет очертить тот круг философских вопросов, которые оно поднимает: например, может ли человек вмешиваться в таинства природы и ставить себя на один уровень с Богом, создавая существо по своему образу и подобию? Велик человек или ничтожен? Закономерно ли его появление в мире или же это не более, чем трагическая случайность? И, наконец, помощник ли человек Богу или нерадивый сын?

Мэри Шелли определяет героя своего романа как «современного Прометея». Какие же оттенки смысла она вкладывает в это определение? Безусловно, «вечный образ» титана-просветителя Прометея не мог быть оставлен без внимания писателем-романтиком. Вместе с тем героическое, смелое и созидательное начало героя стало частью философской идеи романа и получило новую литературную трактовку, разительно отличающуюся от представленных ранее.

«Современный Прометей» Мэри Шелли, Виктор Франкенштейн – это гений, человек-титан, далекий, однако, от характерного филантропического и альтруистического начала. Он не гуманист, не безвинный страдалец, напротив, он – амбициозный творец, возлагающий на алтарь науки не только свою жизнь, но и жизнь своей семьи и близких людей. Его цель – не благо для всего человечества, а воплощение собственных эгоцентричных стремлений уподобиться божественной силе. «Мне первому предстояло преодолеть грань жизни и смерти и озарить наш темный мир ослепительным светом. Новая порода людей благословит меня как своего создателя; множество счастливых и совершенных существ будут обязаны мне своим рождением. Ни один отец не имеет столько прав на признательность ребёнка, сколько буду иметь я» [11, с. 62] – говорит о себе Франкенштейн.

В отличие от титана Прометея, уподобившегося богам и создавшего человека, Франкенштейн прежде упорно постигает вершины научных знаний,

долгим и упорным трудом добиваясь первого успеха. Он разочаровывается в своих кумирах и находит новых, изучает анатомию, физиологию, химию и в своих экспериментах не гнушается самых отвратительных преступлений против природы человека – он «рылся в могильной плесени и терзал живых существ ради оживления мёртвой материи», «кощунственной рукой вторгался в сокровеннейшие уголки человеческого тела» [11, с. 62], использовал в качестве источников расходного материала бойни и анатомические театры.

Все подробности научных исканий описываются Мэри Шелли в спокойной, бесстрастной манере – ровно так, как видел и ощущал собственные деяния её герой. На фоне созданного ей готического пейзажа нет никаких проявлений страха и ужаса: кладбища, разлагающаяся материя, призраки – всё это не страшит учёного-энтузиаста, поскольку, по словам самого Франкенштейна, «для исследования причины жизни мы вынуждены сперва обращаться к смерти» [11, с. 59].

Постигнув тайны живой и неживой материи, Франкенштейн сначала размышляет о том, что его научное открытие может быть использовано во благо человечества, что своими достижениями он сможет победить смерть, возвращая к жизни давно умерших людей. Однако амбиции учёного увеличиваются вместе с его успехами, и всеобщее благо все менее интересует его. И вот уже Виктор, движимый только собственными стремлениями, колеблется, «создать ли себе подобного или же более простой организм», но вскоре решает, что сумеет «вдохнуть жизнь даже в существо столь удивительное и сложное, как человек» [11, с. 61].

Развивая главные прометеевские мотивы свободы и воли, тайных знаний, творчества и созидания, Мэри Шелли актуализирует сюжет мифа и принципиально по-новому использует его смысловые и структурные возможности, даже в рамках общего с П. Шелли и Дж. Байроном литературного течения. Она переосмысляет образ Прометея и показывает незаурядную романтическую личность, свободного творца и гения-бунтаря, близкого по поэтике мильтоновскому Сатане или Фаусту Гете. Все эти персонажи –

излюбленный типаж романтиков, богоборцы, индивидуалисты, зачастую нелюдимые и неоднозначные личности.

Описывая деятельность Франкенштейна, М. Шелли не стремится к детальному изложению средневековых гипотез о создании жизни и не претендует на однозначную достоверность научных экспериментов. Для неё важен психологизм произведения: проявления маниакальной одержимости и энтузиазма, физическое изнеможение от умственного труда, возможность показать противоречивый характер своего героя и столкновение в его душе прометеевских альтруистических порывов с гипертрофированным честолюбием. Аналогично древнегреческому Прометею, герой Мэри Шелли стремится к выполнению божественной миссии и оказывается наказан за эгоистичное желание бросить вызов высшим силам, однако наказан он отнюдь не безвинно. Смерть Виктора Франкенштейна как бы восстанавливает мировой порядок и знаменует собой торжество Фатума над Гибрисом.

Образ Прометея вызывал интерес романтиков в силу присущей ему мятежности, жертвенности и трагичности. Романтики видели в образе Прометея большой потенциал для трактовок. В ходе исследования было выявлено, что:

1. В интерпретации Дж. Байрона Прометей – воплощение романтического индивидуализма, гордости и достоинства. Байрон показывает сильную личность, способную противостоять жестокости мира и несправедливости божественных сил, замысливших человека изначально несовершенным и мешающих ему в постижении истины. В стихотворении Байрона Прометей иллюстрирует превосходство силы духа и стремления к познанию над невзгодами и жизненными испытаниями.

2. Прометей П. Шелли – воплощение единства человека с силами стихии. Именно в этом, по мнению поэта, заключается настоящая свобода. Только тело может быть заковано в цепи, в то время как дух всегда остается свободен, и именно торжество духа знаменует собой разрушение оков, сдерживающих плоть. Его Прометей – аллегорический образ единства и созревающего бунта, активное

проявление которого приведет его к становлению общества с процветающими идеями равенства, его освобождению от гнета единовластия.

3. Прометей М. Шелли – богоборческий образ свободного творца, собирательный сверхтип ученого-энтузиаста, амбиции которого настолько высоки, что позволяют ему тягаться с божественным началом и вторгаться в мировой порядок. В отличие от предыдущих образов, он не человеколюбец и не преследует гуманистических идеалов – именно так романистка видела «современного Прометея», характерного для эпохи Первой Промышленной революции.

Таким образом, мы видим, что в романтической традиции происходит переосмысление античного образа Прометея, а сам миф претерпевает видоизменения и трактуется различно. Романтики делают акцент прежде всего на бунтарстве Прометея, богоборчестве, творческом потенциале личности титана, а также на его уподоблении человеку, характерном для античного антропоцентризма. Романтическая традиция более глубоко и разносторонне раскрывает конфликт Прометея с высшими силами, изображая его одновременно и как жертвенную натуру, страдающую во благо человечества, и как эгоистичного честолюбца, слепо следующего своим стремлениям.

Литература:

1. Артамонов С.Д. Литература древнего мира. М.: Просвещение, 1988. 256 с.
2. Байрон Дж. Г. Сочинения в 3 т., Т. 1. М.: Художественная литература, 1974. 464 с.
3. Кун Н.А. Легенды и мифы древней Греции. М.: Мартин, 2020. 464 с.
4. Литературная энциклопедия: в 11 т. под ред.: Лебедев-Полянский П.И., Мац И.Л., Нусинов И.М., Фриче В.М. М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. «Сов. Энцикл.», 1935. 832 с.
5. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. 320с.
6. Мелетинский Е.М. Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.

7. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. М.: Библиотека Государственного Гуманитарного Университета, 2000. 196 с.
8. Павсаний. Описание Эллады в 2 т. Т. 2. пер. с др.-греч. С.П. Кондратьева. М.: Ладомир, 1994. 592 с.
9. Соловьев Н.А. История зарубежной литературы XIX века. М.: Высшая школа, 1991. 637 с.
10. Тронский И.М. История Античной литературы. М.: Высш. Шк., 1983. 464 с.
11. Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей [пер. с англ. З. Александровой]. Москва : Издательство АСТ, 2021. 288 с.
12. Шелли П.Б. Прометей Освобождённый. Пер. К.Д. Бальмонта. М., «Рипол Классик», 1998. 69 с.
13. Эллинские поэты VII—III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Ладомир, 1999. 515 с.
14. Эсхил. Прикованный Прометей. пер. с др.-греч. В.О. Нилендера, С. М. Соловьёва. М.: Школьная библиотека (Детская литература), 2013. 94 с.

Literature

1. Artamonov S.D. Literature of the ancient world. М.: Prosveshchenie, 1988. 256 p.
2. Bajron Dzh. G. Essays in 3 v., Vol. 1. М.: Hudozhestvennaya literatura, 1974. 464 p.
3. Kun N.A. Legends and myths of ancient Greece. М.: Martin, 2020. 464 p.
4. Literary Encyclopedia: in 11 v. pod red.: Lebedev-Polyanskij P.I., Mac I.L., Nusinov I.M., Friche V.M. М.: OGIZ RSFSR, Gos. in-t. «Sov. Encikl.», 1935. 832 p.
5. Losev A.F. The Symbol Problem and realistic art. М.: Iskusstvo, 1995. 320 p.
6. Meletinskij E.M. Mythological Dictionary. М.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. 672 p.
7. Meletinskij E.M. From myth to literature. М.: Biblioteka Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta, 2000. 196 p.
8. Pavsaniij. Description of Hellas in 2 v. Vol. 2. per. s dr.-grech. S.P. Kondrat'eva. М.: Ladomir, 1994. 592 p.

9. Solov'ev N.A. The history of foreign literature of the XIX century. M.: Vysshaya shkola, 1991. 637 p.
10. Tronskij I.M. History of Ancient Literature. M.: Vyssh. SHk., 1983. 464 p.
11. Shelley M. Frankenstein, or the Modern Prometheus [per. s angl. Z. Aleksandrovoj]. Moskva : Izdatel'stvo AST, 2021. 288 p.
12. Shelley P.B. Prometheus Unchained. [per. s angl. K.D. Balmont]. M.: «Ripol Classic», 1998. 69 p.
13. Hellenic poets of the VII—III centuries BC Epos. Elegy. Iambic. Melika / Pod red. M. L. Gasparova. M.: Ladomir, 1999. 515 p.
14. Eskhil. Chained Prometheus. per. s dr.-grech. V.O. Nilendera, S. M. Solov'yova. M.: SHkol'naya biblioteka (Detskaya literatura), 2013. 94 p.

© Воцевоз Д.Р., Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник»
№8/2023

Для цитирования: Воцевоз Д.Р. ОБРАЗ ПРОМЕТЕЯ В РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ// Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник» №8/2023